П.П. Шкаренков

Репрезентация императорской власти
на Западе во II–V вв.:
риторика, идеология, политика

Эволюция форм репрезентации императорской власти в Римской империи характеризуется постоянно растущим влиянием восточных идей и элементов. Принятие Константином христианства и основание Константинополя в качестве новой столицы дало перевес восточной партии в империи. Этот новый политический порядок характеризуется доминирующим положением восточного мира над миром западным, который перестает тогда быть самой динамичной частью империи. До некоторой степени обоснованно различать восточную и западную концепции императора, при условии, что мы не будем делить на этом основании империю на два идеологически противостоящих друг другу лагеря. Чувство принадлежности к единому солидарному сообществу сохранялось еще в IV и V веках. Движение идей в этом универсуме также еще не знает границ. Думающие по-латински и думающие по-гречески, язычники и христиане не составляют однородных замкнутых групп и часто расходятся в том, что касается видения империи и императора. Образ империи и императора, складывающийся у западных авторов этого периода, не христианский и не языческий, он сугубо римский. Чтобы писать о христианской империи, Евсевий Кесарийский на Востоке, Амвросий Медиоланский и Августин на Западе выработали подходящий язык, нашли нужные слова и образы. Но христианская империя, как новое понятие, не проникло в латинский мир. Император, конечно, был христианином, однако при дворе император оставался наследником Августа. Наметившиеся идеи прочно войдут в интеллектуальный багаж той части римской аристократии, италийской и провинциальной, которая позднее примкнет к правителям романо-варварских королевств.

Ключевые слова: поздняя Римская империя, латинская риторика, Плиний Младший, Аммиан Марцеллин, Клавдий Клавдиан.

Уже не раз отмечалось, что эволюция форм репрезентации императорской власти в Римской империи характеризуется

постоянно растущим влиянием восточных идей и элементов. Призрак азиатской царской власти, погубивший Цезаря, был искусно изгнан Августом и его преемниками, но очень быстро возвратился, появляясь сначала эпизодически, затем более настойчиво, и, наконец, институционально. Когда в конце III века Диоклетиан приступил к восстановлению государства, он считал необходимым укрепить престиж императорской власти, окружив с этой целью ее носителя сложным церемониалом, ориентируясь в этом, возможно, на практику сасанидского двора¹. Принятие Константином христианства ничего в данной ситуации не изменило, а возможно, даже усилило наметившуюся тенденцию. Весь словарь, средствами которого передавался сакральный характер персоны императора, сохранился в целости. Более того, учитывая ту роль, которую занял император в новой религии, он с несомненной выгодой для себя обменял своей божественный статус, который всегда вызывал много сомнений, на место поборника и представителя Бога на земле². Основание Константинополя в качестве столицы – соперницы Рима, на что никогда не претендовали ни Милан, ни Равенна, ни Никомедия, – дало перевес восточной партии в империи.

Этот новый политический порядок, который можно определить как правизантийский, несомненно, характеризуется доминирующим положением восточного мира над миром западным, который перестает тогда быть самой динамичной частью империи. Также справедливо, что формирующаяся и получающая перевес новая концепция империи и императора строится на контрасте с римской концепцией принципата Августа, при котором сохранялось понятие *respublica*, а император предстал гражданином, исполняющим четко определенные магистратуры. Таким образом, до некоторой степени обоснованно различать восточную и западную концепции императора, при условии, что мы не будем делить на этом основании империю на два идеологически противостоящих друг другу лагеря³. Действительно, когда мы обращаемся к взглядам современников на эти вопросы, мы замечаем, что их расхождения прямо не соотносятся ни с географией, ни с языком, ни с религией. Единство империи было реальностью. Чувство принадлежности к единому солидарному сообществу сохранялось еще в IV и V вв.: когда очередное вторжение варваров затрагивало только один регион, вся империя чувствовала себя затронутой⁴. Движение идей в этом универсуме также еще не знает границ. Думающие по-латински и думающие по-гречески, язычники и христиане не составляют однородных замкнутых групп и часто расходятся в том, что касается видения империи и императора. Расслоение происходит внутри каждой из этих групп. Политические идеи христианина

Евсевия Кесарийского практически не находят отклика в латинском мире. Амвросий Медиоланский в ходе своей борьбы с императором Феодосием проявляет себя очень ревностным сторонником независимости Церкви и очень мало обеспокоен признанием за императором апостольской миссии⁵. Августин тоже, как кажется, не согласен с Евсевием как по поводу его идеала христианского императора⁶, так и по поводу его концепции империи, в которой он видит скорее результат игры человеческих страстей, нежели провиденциальную конструкцию, возникшую, дабы превзойти большинство политеистических городов и царств, чтобы открыть путь христианству⁷. Однако Евсевий Кесарийский был далек и от того, чтобы установить единодушие в греческом мире. Эллинизм сам по себе имеет множество вариантов. Сравнительно не так давно было проведено прекрасное исследование всех политических аспектов, по которым расходились Фемистий и его современник Либаний⁸. Новая имперская идеология, созданная Константином, разрушает единство эллинизма. Даже нельзя сказать, что эти процессы связаны с христианством как таковым, потому что Фемистий, который наряду с Евсевием Кесарийским предвосхищает византийский эллинизм, – язычник⁹. Особенно примечательной является фигура Юлиана: как философ он принадлежит собственно греческой, эллинистической традиции, а как император он выступает непосредственным наследником и продолжателем римской традиции принципата¹⁰.

Несмотря на все взаимовлияния, несмотря на неправомерность противопоставления в виде двух противоборствующих центров Востока и Запада, следует тем не менее признать, что две части империи начали вырабатывать собственные пути дальнейшего развития, что не могло не отразиться на их политической идеологии¹¹. После смерти в 395 г. императора Феодосия I между двумя мирами начинается эпоха непрерывных разногласий, переходящих иногда в более острую фазу¹². В разжигании этих противоречий большую роль сыграли распри и соперничество конкретных личностей. Но можем ли мы быть уверены, что, если стороны относились друг к другу с большим уважением и ощущали взаимную ответственность, действительно удалось бы избежать распада империи?

Мы вправе задаться вопросом, не основывается ли произошедший разрыв на причинах более глубоких и существенных, нежели выяснение проблемы первенства. Тут открывается широчайшее поле для исследования, в котором следовало бы комплексно рассмотреть политические, экономические и социальные факторы. На востоке империя накладывалась на политическую традицию эллинистических государств, с их жесткой централизацией и мощным

бюрократическим аппаратом. Сами эти государства выступали наследниками и преемниками как восточной традиции царской власти, так и греческой полисной традиции городов-государств. Императорская власть обеспечивала политическое единство, выступая в роли строителя федерации. В этом случае было несложно, как это сделал Евсевий Кесарийский, соположить растущую сложность политической организации с изменениями в духовной сфере, начатыми христианством, которые должны были закончиться переходом политеистического города и государства в единую христианскую империю.

На Западе роль и функция империи были другими, поскольку в процессе своего развития империя не сталкивалась с политическими структурами, которые даже отдаленно могли бы сравниться с государствами диадохов. Ни кельты, ни галлы, ни иные варвары, воспетые К. Джуллианом¹³, никогда не достигали того уровня развития, который был в Сирии Селевкидов или Египте Птолемеев. В раздираемые конфликтами Галлию и Испанию римское завоевание принесло государственную традицию. Западные провинции вошли в состав империи наравне с восточными, но без предшествующей подготовки, они одновременно открыли для себя и государство, и империю, точнее, сразу получили государство в виде империи. Таким образом, им было менее свойственно переживание империи как мистической организации, как выражение божественной воли, обязательной для других государств. Если можно предложить некие образы, которые бы отражали восприятие империи в двух ее частях, то для Востока это был бы образ веревки, поддерживающей сноп, а для Запада образ масляного пятна¹⁴. Действительно, римское завоевание вызвало совершенно разные последствия для Запада и для средиземноморского региона. На Востоке продолжали существовать различные культуры: греческая, семитская, египетская, тогда как на Западе, даже принимая во внимание оригинальный вклад каждой провинции в области искусства или ремесла, а также некоторое сопротивление романизации, тем не менее один язык стал общим для всех, обеспечивая определенный средний уровень культуры. Подобная культурная монополия способствовала осознанию западными провинциями их принадлежности к единому организму, что имело, несомненно, большее значение, чем осознание зависимости от единой центральной власти. Если добавить к этому понимание того обстоятельства, что западный мир в своей совокупности выступал перед лицом варваров, в большинстве своем ариан, форпостом христианской веры, основанной на постановлении Никейского собора, станет понятно, что это осознание своей принадлежности к миру *romanitas* пережило

бы и падение императорской власти и разрушение территориального единства империи на Западе.

В том что касается непосредственно форм осуществления имперских функций, обе части империи также начали расходиться с конца IV в. Смещение политики и религии, сакрализация императора, все то, чем характеризовалась политическая ситуация в Константинополе, на Западе встречалось с безразличием или враждебно. Одна из основных причин этого неприятия заключалась, без сомнения, в религиозной политике Константина и его преемников. Политика вмешательства в дела Церкви, поддержка арианства сталкивались с сопротивлением в западных провинциях, твердо придерживающихся ортодоксального христианства¹⁵. Однако конфликт Амвросия Медиоланского с императором Феодосием I, чья преданность делу христианства никогда не ставилась под сомнение, показывает, что желание сохранить независимость Церкви было вызвано не только страхом перед еретическими учениями. Именно в этом, как нам представляется, можно проследить влияние собственно западной, или латинской, политической традиции. Сказанное вовсе не означает, что эта традиция была неизвестна на Востоке, но там она подавлялась реальной практикой императорской власти. На Западе же она была представлена в целом ряде сочинений на латинском языке, так что проследить истоки данной традиции можно вплоть до эпохи принципата. Речь, собственно, и идет о сугубо римской политической традиции принципата, творцом и хранителем которой на протяжении столетий была сенаторская аристократия.

Эта традиция представлена в большом количестве латиноязычных источников, из которых важнейшими являются «Панегирик Траяну» Плиния Младшего, галльские панегирики IV века и *Scriptores Historiae Augustae*. К ней же принадлежат Аммиан Марцеллин и Клавдиан, что особенно интересно, так как речь идет об уроженцах восточной части империи, принявших латинский язык и римские политические идеи. Это направление является, как мы видим, по преимуществу языческим, но это то одухотворенное и толерантное язычество, которое так характерно для поздней античности.

Все важнейшие аспекты интересующей нас темы появляются уже у Плиния Младшего с некоторыми частными особенностями, которые объясняются обстоятельствами написания Панегирика. Конечно, в это время речь еще не идет о противостоянии между Востоком и Западом. Однако Траян рисуется как реставратор истинно римской властной традиции, после разгула и бесчинств правления Домициана. Траян вззошел на трон по выбору Нервы,

подчинившегося воле богов¹⁶. Своим выбором Траян обязан не интригам, а только своим заслугам¹⁷. Его власть основывается на законе, для которого он сразу и автор, и гарант, и слуга¹⁸.

В том, что касается религиозных аспектов императорской власти, Плиний занимает очень взвешенную, тонкую, полную нюансов позицию. Он восхваляет чистоту намерений Траяна, которая подвигла его причислить Нерву к богам, но при этом упоминает изменчивые интересы, которые побуждали других императоров принимать решение об апофеозе своего предшественника. Тем самым он бросает легкую тень подозрения и на самого Траяна¹⁹. На божественный статус правящего императора лишь намекается: он *optimus* как Юпитер, он *diis simillimus*, т. е. он как-то соотносится с божественностью, но сам богом не является²⁰. Наконец, по своему характеру и по своим нравам император очень близок к своим подданным: он входит пешком в Рим, он приветствует поцелуями сенат²¹. Он добродетелен в мирной жизни и доблестен на войне. Он любит физические упражнения и, чтобы дать лучше почувствовать контраст с предыдущим правлением, описывает мрачный вид Домициана, спускающегося по Рейну и лениво раскинувшегося на плавучих носилках²².

Двумя веками позднее с той же самой системой взглядов, очень близкой к выраженной в «Панегирике Траяну», мы встречаемся в галльских панегириках и у *Scriptores Historiae Augustae* (далее – *SHA*). В этих текстах явственно чувствуется усталость общества от бюрократизированной системы управления. Император, скрывшийся в своем дворце, ничего не знает, ничего не видит, информацию получает только из вторых рук. Случалось, что императоры и сами осознавали все отрицательные стороны подобной ситуации. Свидетельством этого может служить фрагмент письма императора Гордиана III своему тестю Мизитею: «Несчастен тот император, от которого скрывают правду: лишенный возможности ходить среди народа, он вынужден слушать и утверждать то, что он слышит, или то, что подтверждено большинством»²³. Однако надо учитывать, что *SHA* – это сочинение, составленное, так сказать, в тиши кабинета.

Авторы панегириков, естественно, не могли позволить себе открытой критики. Впрочем, разве не то же чувство проявляется в их бесконечных восхвалениях вездесущности императора? Пыл их славословия вполне соотносим с ощущением неудовлетворенности: «Нет на земле такого места, – пишет панегирист Максимиана, – которое было бы свободно от присутствия Вашего Величества, даже тогда, когда вам кажется, что вы там отсутствуете»²⁴. Самые разные слои населения империи испытывают необходимость ощущать императорскую заботу. Правящие круги должны реагировать

на эту потребность, либо наделяя императорским достоинством нескольких лиц, дабы они могли обеспечить эффект присутствия в разных местах одновременно, либо разворачивая массированную пропаганду, в которой постоянно подчеркивается преданность правителя всем своим подданным²⁵.

Эта навязчивая идея повсеместного императорского присутствия проходит красной нитью через весь сборник SHA практически в каждом жизнеописании. Максимиан, смещенный сенатом, упрекает своего молодого сына, что именно он несет ответственность за его падение, поскольку отказался находиться в Риме: «Если бы он был в Риме, сенат ни на что бы не осмелился»²⁶. Считалось также, что одно только императорское присутствие может расстроить планы неприятеля. Юлий Капитолин, биограф Максима и Бальбина, приводит речь сенатора Векция Сабина, настаивающего на необходимости наделения императорской властью двух императоров: один из них должен быть занят военными делами, а второй – находиться в Риме²⁷. Действительно, присутствие императора благотворно сказывается на Городе и на провинциях. Уже в классическую эпоху у слова *praesentia* было два значения: присутствие и помощь. Так, во время наводнения в Риме Марк Аврелий и Вер смягчали трудности, испытываемые населением, *sua cura et praesentia*²⁸. Однако все более настойчивая необходимость защищать границы вынуждала императора проводить все больше и больше времени вдали от жизненных центров империи, отрывала его от граждан. Для IV в. мы можем назвать многих императоров, которые никогда не посещали Рим²⁹.

И если Вечный Город, принимая во внимание его статус, больше, чем кто бы то ни было, имел основания жаловаться на охлаждение императоров, то провинции, например, Галлия, просто чувствовали себя заброшенными. Согласно Требеллию Поллиону, отделение Галлии в III в. стало следствием скандального поведения Галлиена, после пленения его отца Валериана парфянами. И со стороны галлов это была реакция оскорбленного достоинства: «...галлы, которые в силу своих прирожденных свойств не могут терпеть легкомысленных, выродившихся в смысле утраты римской доблести и утопающих в роскоши государей, призвали к власти Постума, найдя себе сочувствие и в войсках, так как последние жаловались на то, что император занят только развратом»³⁰. В SHA довольно часто подчеркивается партикуляризм провинций. Речь, конечно, не идет собственно о сепаратизме, но, например, о желании армий, расквартированных в той или иной провинции и состоящих, по большей части, из местных уроженцев, оказывать влияние на выборы императора. Часто проявляется и соперничество между

провинциями, в частности, высказываются претензии, что какая-либо провинция пытается самостоятельно провозгласить императора для всей империи. SNA очень чувствительно относится к привилегиям римского сената, особенно в части, касающейся выборов императора, отстаивают принцип централизации и противостоят тому, что очень многозначительно называется *specialis princeps*³¹, т. е. император, избранный меньшинством. Римская армия, подобно гражданскому обществу, представляла собой смешение языков и рас, и сообщения Аммиана Марцеллина показывают, каким образом во время выборов императора во второй половине IV в. сталкивались интересы различных армейских кланов, прежде всего галлов и иллирийцев³². Позднее партикуляризм провинций будет играть важную роль в становлении и оформлении романо-варварских королевств, которые скорее извлекали из него пользу, нежели провоцировали.

Концепция императора, которой придерживался Аммиан Марцеллин, совершенно четко проявляется в описываемом автором противостоянии Констанция II и Юлиана³³. Констанций II воплощает в себе образ неприступного тирана, который даже за пределами своих дворцов старается строго держать дистанцию и рассчитанной театральной неподвижностью подчеркивать образ бесстрастного величия³⁴. Его двор – это сборище евнухов и доносчиков. Плохой полководец, которого преследуют неудачи в войнах с внешними противниками, он добивается успеха только в борьбе с узурпаторами³⁵. Ему противопоставляется Юлиан – философски образованный человек и прекрасный военачальник. Он гуманен, дружелюбен, сумел быстро завоевать любовь своих подданных. Описание его въезда в город Вьенн строится на очевидном контрасте с описанием въезда в Рим Констанция II³⁶. Однако каким бы ни было стремление Аммиана Марцеллина к объективности, выражающееся в готовности не скрывать некоторые слабости своего любимого героя, Юлиан остается в его глазах исключительным случаем, чего нельзя сказать о его враге и полной противоположности Констанции II.

Тем не менее из литературного портрета императора Валентиниана мы можем получить довольно подробное и четкое представление о том, чего ожидает Аммиан Марцеллин от императора, которого он ни низводит, ни превозносит. Самый главный упрек, который автор адресует Валентиниану, – суровость в отправлении правосудия³⁷. Но когда Аммиан Марцеллин переходит к главе, где описываются личные качества императора, римский характер его похвал сомнений не вызывает. У Валентиниана есть все необходимое для того, чтобы стать новым Траяном, или новым Марком

Аврелием³⁸. Он наделен незаурядной воинской доблестью³⁹. Его частная жизнь безупречна⁴⁰. Здесь мы снова встречаем тот же набор черт, которыми Плиний наделял Траяна.

Мы завершаем наш краткий обзор несколькими наблюдениями над текстами крупнейшего поэта рубежа IV–V вв. Клавдия Клавдиана. Поэт-профессионал, живущий пером, возродитель больших поэтических форм, бурно-патетический, он явился в Рим, по-видимому, еще молодым человеком с решимостью стяжать стихами поддержку высоких покровителей. Это ему удалось, и он становится придворным поэтом при миланском дворе Гонория и Стилихона. Пишет пространные стихотворные панегирики почти на каждый консульский год с аллегорическими олицетворениями, мифологическими уподоблениями, географическими описаниями, провозглашает благопожелания, которые звучат как официальная политическая программа. Пишет поэмы о победах Стилихона над африканским мятежом Гильдона и готским мятежом Алариха, пишет эпиталаму на брак Гонория с дочерью Стилихона, пишет уничтожающие поэмы-инвективы на падение константинопольских врагов Стилихона – Руфина и сменившего его Евтропия. Темперамент его неподделен, риторическая фантазия неистощима, свой гиперболически-напряженный стиль, выработанный на лучших образцах Лукана, Стация и Ювенала, он безупречно выдерживает без единого срыва.

Творчество Клавдиана особенно примечательно откровенно враждебными выпадами в адрес Востока и концепцией императорской власти, производящей впечатление некоторого анахронизма. Современник Амвросия Медиоланского и Августина, написавший свои основные произведения уже после смерти императора Феодосия I, Клавдиан создает литературный портрет идеального императора в духе века Антонинов. Возможно, его приверженность язычеству мешала ему увидеть существенную эволюцию императорской власти в течение IV в. Впрочем, большинство из его сочинений предназначалось для публичной декламации в присутствии императора и всего двора. Таким образом, вполне обоснованным будет выглядеть предположение, что общие положения, сформулированные Клавдианом, в целом соответствовали состоянию умов, были в русле сохраняющейся идеологической традиции и находили благожелательный отклик в весьма консервативной придворной среде⁴¹. Именно эта проблема находилась в центре внимания А. Камерона при написании фундаментальной монографии, посвященной жизни и творчеству Клавдия Клавдиана⁴². Позиция автора заключается в том, чтобы всячески заретушировать влияние язычества на его взгляды и сочинения⁴³. Серена, племянница

Феодосия и жена Стилихона, была ревностной христианкой, но этот факт не помешал Клавдиану написать восторженный панегирик в ее честь⁴⁴. Создается впечатление, что, будучи язычником, поэт в большей степени служил христианской партии при дворе, нежели языческой. Что касается множества языческих реминисценций и аллегорий, бесконечной череды богов и героев, которые наполняют панегирики Клавдиана, то они являются, прежде всего, неотъемлемой частью литературной традиции⁴⁵. А. Камерон отмечает, что панегирики императорам Сидония Аполлинария, который ориентировался на Клавдиана как на образец, также не содержат никаких христианских мотивов⁴⁶. Мифологические образы и для самих язычников уже давно стали лишь привычными декоративными фигурами – Юпитер, которого чтит философ и которому приносил жертву гражданин, имел мало общего с Юпитером, о чьих любовных похождениях рассказывал поэт. Христианин IV века, сочиняя стихи, пользовался в них всем арсеналом мифологии с таким же легким сердцем, как христианин XVIII века.

Все сделанные наблюдения и замечания абсолютно бесспорны. Единственный упрек, который можно было бы высказать, заключается в том, что, уделяя огромное внимание вопросам литературной формы, речь фактически не идет о сущности, о сути дела. Проблема состоит в том, если говорить об образе императора у Клавдиана, что этот образ, конечно же, не христианский, но он также и не языческий, он, если угодно, сугубо римский. Обладала ли литературная традиция достаточной силой, чтобы одержать верх над все более и более драматично складывающейся реальностью? Допустим еще, что Сидоний Аполлинарий жил в вычитанном из книг, иллюзорном мире. Однако Клавдиан – это совершенно другое дело. Чтобы писать о христианской империи, Евсевий Кесарийский на Востоке, Амвросий Медиоланский и Августин на Западе выработали подходящий язык, нашли нужные слова и образы, тогда как поэзия продолжала оставаться в плену шаблонов и схем, унаследованных от Вергилия? На самом деле при помощи истории литературы мы выходим здесь на суть проблемы. Христианская империя, как новое понятие, не проникло в латинский мир. Точнее, император, конечно, был христианином, или, как говорил Амвросий Медиоланский, он был «в Церкви», поэтому епископ Медиолана почтил похороны Феодосия блестящим надгробным словом. Однако при дворе император оставался наследником Августа. Таким образом, поэтические сюжеты никогда не были полностью оторваны от окружающей действительности, они потому и продолжали существовать, что сохранялась, хотя бы частично, та реальность, которую они должны были охватывать.

Возвращаясь непосредственно к Клавдиану, отметим, что, рассматривая его концепцию идеального императора, все-таки не стоит ограничиваться констатацией противостояния языческой и христианской партий при дворе. Конечно, эти две партии оппонируют друг другу по вопросам реальной политики. Но различались ли их концепции империи и императора? Подлинная демаркационная линия в этой сфере была географическая, и проходила она через середину Средиземноморья. Итальянская языческая аристократия уже давно не претендовала, если она как таковая вообще когда-нибудь к этому стремилась, на то, чтобы делать из императора божество. И язычники, и христиане вполне могли найти общий язык и вместе остановиться на концепции, которая представляла императора достойным преемником Траяна и Марка Аврелия. *Gentes* сенаторского сословия, часто разделенные своим отношением к Христу, имели тем не менее общую культуру и общее состояние⁴⁷. Все они одинаково ревностно относились к своему престижу, и совершенно непонятно, на каком основании христианская часть римской аристократии могла бы желать падать на колени перед императором, обожествленным теперь уже по византийскому христианскому образцу.

Именно поэтому идеи Клавдиана так удачно вписываются в западную римскую традицию. Они соединяются вместе в панегирике на четвертый консулат Гонория в форме наставления, обращенного Феодосием к своему молодому сыну. С первых же слов подчеркивается исключительность римского императора, он правитель не такой, как другие, основой его власти является доблесть: «Если судьба, мой дорогой мальчик, тебя вознесет на парфянский трон, если в глубине далекого Востока ты будешь носить тиару, которую варвары почитают на челе Арсакидов, одного лишь столь грандиозного происхождения будет достаточно, и в изнеженной праздности, в которой ты будешь проводить свои дни, одна только твоя знать сможет тебя защитить; но император в Риме должен жить совсем по-другому: на доблести, а не на происхождении ему следует основывать свою власть»⁴⁸. Благой император должен уметь властвовать самой высокой частью: «Тогда ты будешь держать весь мир под своим законом, когда ты сможешь править самим собой»⁴⁹.

Указанный принцип владения собой в стоическом смысле прилагается ко всем типам королевской власти. Греческая философия от Платона до неопифагорейцев⁵⁰ учила различать царя и тирана. Но их определения были, до некоторой степени, сугубо теоретическими и абстрактными. Конечно, в латинском мире идеал соотносился с историческими прецедентами. Из этого следует особая важность проводимых сравнений, которые на первый взгляд

кажутся сугубо литературными, а на деле соответствуют глубокой сущностной установке: правитель является новым Траяном, новым Константином. Это соотносится и с употреблением императорских титулов, в которых воспроизводятся реальные родственные связи, возникшие в результате усыновления, или мнимые. Септимий Север принял имя Пертинакса в год своего восшествия на престол. Константин связывался с Клавдием II Готским⁵¹. SNA свидетельствуют о престиже, которым пользовалось еще в конце IV века имя Антонина⁵². Таким образом, император является не только воплощением определенной идеи, но также и воспроизведением идеальной модели, взятой непосредственно из истории Рима. Бесспорно, это был способ утвердить преемственность власти над Римом чередой непрерывных возрождений⁵³.

Речь Феодосия, составленная Клавдианом, в основе опираясь на философские темы, представляет также литературный портрет благого императора в соответствии с традиционными римскими принципами. Правитель советует своему сыну вести себя как подобает гражданину и как подобает отцу⁵⁴. Итог его деятельности подводится глаголом *consulere*, от которого произошли консулы⁵⁵. Император всегда должен помнить, что он царствует не над восточными народами, а над римлянами, «которые давно управляют миром, и которые не снесли ни заносчивости Тарквиния, ни господства Цезаря»⁵⁶. Клавдиан устами Феодосия напоминает, что анналы воскрешают в памяти преступления плохих правителей и увековечивают славу Траяна, и мы вновь обнаруживаем обращение к теме, восходящей еще к Саллюстию и Цицерону⁵⁷. Речь заканчивается настоятельным призывом разделять с армией ее труды. Представленный Клавдианом портрет идеального императора состоит из традиционных римских черт. Правитель, соответствующий предложенному образу, обретет славу, любовь своих подданных и уважение врагов. Все зависит от него самого, от его энергии. И если он следует данной модели, разве важно, является ли он язычником или христианином? Клавдиан стремился вызвать у своих слушателей чувство римского патриотизма, гордости за свою принадлежность к великой традиции любви к свободе.

Таким образом, если Клавдиан является рупором, выразителем интересов определенной партии, то это не христианская партия и не языческая, а партия западная, римская, латинская. И если в его видении империи присутствуют некоторые языческие элементы, например, когда он упоминает помощь, оказанную богами Феодосию в его борьбе с тиранами⁵⁸, то это делается вовсе не для того, чтобы выставлять напоказ свои пристрастия, рискуя оскорбить религиозные чувства Гонория и память об его отце. Скорее речь

идет о некотором примере эпической архаизации, которая прекрасно сочетается с прокламируемым возвращением к истокам столь превозносимого им принципата. И дело здесь не только в литературных стереотипах и штампах. Подражание древним было столь же необходимо при дворе в Равенне, как и при дворе в Версале, чтобы прославлять правителя как нового Цезаря или Александра.

Клавдиан стал последним придворным поэтом Запада до Сидония Аполлинария. Его язык – это язык правящих кругов двора в Равенне в тот момент, когда, несмотря на переживаемые трудности, никто не думал, что Западная Римская империя находится в опасности. Более того, творчество Клавдиана свидетельствует, принимая во внимание, в том числе, и его претензии к Константинополю, о желании вдохнуть новые силы в традицию собственно римскую, почерпнув их из славного римского прошлого. Влияние Клавдиана на последующих авторов было гораздо более сильным, чем можно ожидать от придворного поэта. Его цитирует Августин, читает Сидоний Аполлинарий, ему подражает Венанций Фортунат⁵⁹. Клавдиан станет признанным учителем высокого слога и панегирического жанра для всех будущих веков – и для Ренессанса, и для барокко, и для классицизма.

Итак, таково было наследие, оставляемое четвертым веком веку пятому, накануне великой бури. Наметившееся движение в сторону римской реакции, временами принимавшее явную антивизантийскую направленность, сыграет в будущем немаловажную роль. Было бы, конечно, абсурдным видеть в нем причину распада имперской идеи, но было бы не меньшим абсурдом отрицать стойкость подобного стиля мышления и состояния умов в новых королевствах. Наметившиеся идеи прочно войдут в интеллектуальный багаж той части римской аристократии, италийской и провинциальной, которая примкнет к правителям романо-варварских королевств.

Примечания

- ¹ Такова, по крайней мере, точка зрения Э. Штейна, см.: *Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. 1: De l'État romain à l'État byzantin (284–476).* P., 1959. P. 69. Однако согласны с ним далеко не все: *Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche.* Darmstadt, 1970.
- ² Об этой теории см.: *Cessi R. "Regnum" et "Imperium" in Italia. Contributo alla storia della costituzione politica d'Italia dalla caduta alla ricostituzione dell'Impero Romano d'Occidente.* Bologne, 1919. P. 84–97; *Straub J. Vom Herrscherideal in der Spätantike.* Stuttgart, 1939. S. 114–121, 164–170; *Ewig E. Zum christlichen*

- Königsgedanken im Frühmittelalter // Das Königtum. Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen, Vorträge und Forschungen. Bd. 3. Mainauvorträge, 1954. S. 7–73; *Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrcherkultes: 2 vol. Stuttgart, 1957–1960; *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy, Origins and Background. Vol. 2. Washington, 1966. P. 611–631; *Farina R.* L'impero e l'imperatore cristiano in Eusebio di Cesarea. La prima teologia politica del cristianesimo. Zurich, 1966; *Rahner H.* L'Église et l'État dans le christianisme primitif. P., 1964; *Brown P.* Authority and the Sacred: aspects of the Christianization of the Roman world. Cambridge, 1995. P. 66–93; *Chuvin P.* Chronique des derniers païens. La disparition du paganisme dans l'Empire romain, du règne de Constantin à celui de Justinien. P., 1991; *Barnes T.D.* Athanasius and Constantius. Theology and Politics in the Constantinian Empire. Cambridge (Mass.), 1993. P. 114–139; *Brent A.* The Imperial Cult and the Development of Church Order. Leiden, 1999; *Fraschetti A.* La conversione. Da Roma pagana a Roma cristiana. Rome; Bari, 1999. P. 271–307.
- ³ *Kaegi W.E.* Byzantium and the decline of Rome. Princeton, 1968. Автор наглядно показывает связи, соединяющие эти две партии.
- ⁴ Солидарность всех областей империи перед угрозой варварских вторжений очень ощутима, например, в переписке Иеронима: Hier., Epist., LX, 16; CXXIII, 15–16; CXXVII, 11–12.
- ⁵ О политических идеях Амвросия Медиоланского см.: *Palanque J.R.* Saint Ambroise et l'Empire romain. Contributions à l'histoire des rapports de l'Église et de l'Etat à la fin du IVe siècle. P., 1933; *Dvornik F.* Op. cit. Vol. 2. P. 672–695; *Казаков М.М.* Епископ и империя: Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV веке. Смоленск, 1995.
- ⁶ Aug., De civitate Dei, V, 24.
- ⁷ Е. Корзини высвечивает противоречия между Орозием и Августином (*Corsini E.* Introduzione alle Storie di Orosio. Turin, 1968. P. 194; 203–205). Согласно Августину, развитие империи связано с действием человеческих сил и политической необходимостью (Aug., De civitate Dei, IV, 15). Августин объясняет, что империя все еще была бы маленькой, если бы ее соседи не навлекли бы на себя войну из-за своей несправедливости «et ita essent in mundo regna plurima gentium, ut sunt in urbe domus plurimae civium». Об этом тексте см.: *Straub J.* Christliche Geschichtsapologetik // Straub J. Regeneratio imperii. Darmstadt, 1972. S. 259–264; *Corsini E.* Introduzione alle Storie di Orosio. Turin, 1968. P. 169. Амбивалентное отношение Августина к империи прекрасно показано в великолепной работе А. Мандуза (*Mandouze A.* Saint Augustin. L'aventure de la raison et de la grace. P., 1968. P. 289–273).
- ⁸ *Dagron G.* L'Empire romain d'Orient au 4e siècle et les traditions politiques de l'hellénisme. Le témoignage de Thémistios. Paris, 1967. (Travaux et Mémoires du Centre de Recherches d'histoire et de civilization byzantines. Vol. 3.)
- ⁹ *Dagron G.* Op. cit. P. 3: «Деятельность Фемистия, от Констанция II до Феодосия I, была направлена на то, чтобы обосновать и защитить то политическое направление, которое, как мы говорили, существенно трансформирует идеи, пришедшие из классической греческой традиции. Нужно было быть подлинным эллином, чтобы в этом преуспеть».

- ¹⁰ *Dagron G.* Op. cit. P. 73; *Dvornik F.* Op. cit. P. 675: «Like Julian and Libanius, Ambrose is obviously a republican»; *Аверинцев С.С.* Император Юлиан и становление «византинизма» // Традиция в истории культуры. М., 1976. С. 79–84.
- ¹¹ *Marrou H.I.* Saint Augustin et la fin de la culture antique. P., 1958. P. 698: «Эта эмансипация, эта обособленность латинского мира начинает проявляться во всех областях: было бы очень полезно изучить, как это отражается в политической мысли. Идеал христианской империи мыслился по-разному, и, соответственно, влек за собой разные практические следствия. Сколь огромна дистанция между теоретическими построениями Амвросия Медиоланского и имперской традицией, которую мы уже можем назвать византийской, созданной в период от Евсевия Кесарийского до Синесия!».
- ¹² Регентство Стилихона спровоцировало первый кризис, см.: *Cameron A.* Claudian. Poetry and Propaganda at the court of Honorius. Oxford, 1970. P. 38–45; *Idem.* Theodosius the Great and the regency of Stilicho // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 73. 1969. P. 247–280. Как следствие, каждая *partes* стремилась проводить собственную политическую линию, не согласовывая ее друг с другом. После смерти Гонория, в 423 г., узурпация Иоанна предоставляет Феодосию II повод для вмешательства в дела Запада и основание для провозглашения императором Западной Римской империи Валентиниана III. В 450 г., со смертью Феодосия II, Пульхерия провозглашает Маркиана императором своей собственной властью. В качестве ответного шага в 455 г. Петроний Максим провозглашается императором без согласия Константинополя.
- ¹³ *Jullian C.* Vercingétorix. P., 1902. P. 40–44.
- ¹⁴ П. Грималь отмечает, что в отличие от Востока «Запад представлял собой настоящий пчелиный воск, на который римский город мог легко наложить свой отпечаток» (*Grimal P.* Le siècle des Scipions. Rome et l'Hellénisme au temps des guerres puniques. P., 1975. P. 84–85).
- ¹⁵ Позиция Атаназия и преследования, объектом которых он стал, показывают, что и Восток не был единодушен в своем раболепстве. Арианская теология представляла определенные преимущества светской власти, о чем говорит Х. Ранер. Исследователь подчеркивает, что «арианство в то время было гораздо более расположено подчиниться всемогуществу государства, нежели ортодоксальная церковь, поскольку оно, так сказать, упускало тот аспект веры в божественность Христа, на основании которого государство имело второстепенное значение перед высшим могуществом, идущим от причастности к божественной сущности Христа» (*Rahner H.* L'Église et l'État dans le christianisme primitif. P., 1964. P. 92–93). См. также: *Barnes T.D.* Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire. Cambridge (Mass.), 1993. P. 23–31; *Williams R.* Arius: Heresy and Tradition. London, 1987. P. 154–175; *Rubenstein R.E.* When Jesus Became God: The Epic Fight over Christ's Divinity in the Last Days of Rome. N. Y., 1999. P. 105–106.
- ¹⁶ *Plin., Pan., 8, 2.* Плиний называет Нерву *minister deorum* в связи с актом об усыновлении Траяна. О панегиристах см.: *Born L.K.* The perfect prince according to the Latin Panegyrist // *AJPh.* Vol. 55. 1934. P. 21–22 (о Плинии); P. 25 (о Клавдиане). Об авторах галльских панегириков см.: *Burdeau F.* L'empereur d'après les Panégyriques latins // *Aspects de l'Empire romain.* P., 1964. P. 1–60; *Шабазя И.Ю.*

- Опыт исследования галльских панегириков количественными методами // ВДИ. 1993. № 1. С. 147–161; *Она же*. Галльские панегирики: искусство лести // ВДИ. 1995. № 3. С. 51–57; *Она же*. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклегиана до Феодосия. М., 1997; *Она же*. Публилий Оптациан Порфирий: Панегирик императору Константину // Кентавр/Centaurus. Studia classica et mediaevalia. Вып. 4. М., 2008. С. 43–60.
- ¹⁷ Plin., Pan., 8, 1: «Itaque non in cubiculo, sed in templo, nec ante genialem torum, sed ante pulvinar lovis Optimi Maximi adoption peracta est». О политических взглядах и политической теории Плиния см.: *Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrcherkultes. Bd. 2. Stuttgart, 1960. S. 359–381; *Dvornik F.* Op. cit. Vol. 2. P. 502–531.
- ¹⁸ О важности этой темы см.: *Michel A.* La philosophie politique à Rome d'Auguste à Marc Aurèle. P., 1969. P. 93.
- ¹⁹ Plin., Pan., 11, 1–2.
- ²⁰ Plin., Pan., 1, 2–3. Ж. Божё отмечает, что «Траян, прекрасно зная и соблюдая принятые правила игры, соглашался, не без настороженности, на отождествление себя с Зевсом на Востоке, но на Западе отказывался считать себя чем-то большим, чем просто представителем его власти, находящимся под его особой защитой» (*Beaujeu J.* La religion romaine à l'apogée de l'Empire. Vol. 1: La politique religieuse des Antonins (96–192). P., 1955. P. 72). Далее автор показывает, что Траян отказался и от отождествления себя с Геркулесом, своим любимым богом (Р. 86). Ф. Тэгер говорит, по поводу выражения Плиния, определяющего Траяна как «princeps castus, sanctus et dis simillimus», что эти понятия не имеют харизматического значения, но только этическое: «Trajan ist Mensch in seiner höchsten Vollkommenheit» (*Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrcherkultes. Bd. 2. Stuttgart, 1960. S. 360).
- ²¹ Plin., Pan., 22, 1; 23, 1.
- ²² Plin., Pan., 15, 4 (военные доблести); 83–84 (семья); 82 (Домициан на своем корабле).
- ²³ SHA, Gord., XXV, 4: «Miser esr imperator apud quem vera reticentur, qui cum ipse publice ambulare non posit, necesse est ut audiat et vel audita vel a plurimis roborata confirmet». SHA, Aur., XLIII, 4: «Imperator qui domi clauses est vera non novit. Cogitur hoc tantum scire quod illi loquuntur, facit iudices quos fieri non oportet, amovet a re publica quos debeat optinere» («Император, запертый в своем доме, не знает истины. Он вынужден знать только то, что говорят ему эти люди; он назначает судьями тех, кого не следовало бы назначать, отстраняет от государственных дел тех, кого он должен был бы привлечь»). О сложном вопросе относительно времени написания SHA, который, впрочем, мало важен для нашей работы, см.: *Chastagnol A.* Recherches sur l'Histoire Auguste. Bonn, 1970.
- ²⁴ Pan. Lat., III, 13, 5: «Neque enim pars ulla terrarium majestatis vestrae praesentia caret, etiam cum ipsi abesse videamini».
- ²⁵ По теме cura и statio principis см.: *Béranger J.* Recherches sur l'aspect idéologique du principat. Bâle, 1953. P. 184–186. Метафора *statio* встречается также: Luc., V. C., I, 45; Plin., Pan., 7, 3; 86, 3. Довольно часто она используется и в SHA, см.: *Kostermann E.* Statio principis // Philologus. 87. 1932. P. 358–368; 430–444. См. также: *Seager R.* Some imperial virtues in the Latin Prose Panegyrics. The demands

- of propaganda and the dynamics of literary composition // Papers of the Liverpool Latin Seminar. Vol. 4. 1983. P. 129–165.
- ²⁶ SHA, Maxim., XVII, 3: «...putabat autem quod si ille Romae fuisset nihil ausurus esset senatus».
- ²⁷ SHA, Max. Balb., II, 5.
- ²⁸ SHA, Aur., VIII, 5.
- ²⁹ *Straub J.* Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939. S. 175. Мы можем назвать Констанция I, Галерия, Юлиана, Валентиниана и Валента.
- ³⁰ SHA, Gall., IV, 3: «Cum Gallienus in luxuria et inprobitate persisteret cumque ludibriis et hellvationi vacaret neque aliter rem publicam gereret quam cum pueri fingunt per ludibria potestates, Galli quibus inisum est leves ac degenerantes a virtute romana et luxoriosos principes ferre non posse, Postumum ad imperium vocarunt...».
- ³¹ SHA, Alb., I, 2.
- ³² *Straub J.* Op. cit. S. 18–19.
- ³³ Об образе идеального правителя у Аммиана Марцеллина см.: *Camus P.M.* Ammien Marcellin témoin des courants culturels et religieux à la fin du IVe siècle. P., 1967. P. 110–117; 239–251. Ср.: *Taege F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrcherkultes. Bd. 2. Stuttgart, 1960. S. 638–647.
- ³⁴ Amm. Marc., XVI, 10. Подробнее об этом эпизоде см.: *Duval Y.M.* La venue à Rome de l'empereur Constance II en 357, d'après Ammien Marcellin // *Caesarodunum*. 1970. № 5. P. 299–304.
- ³⁵ Amm. Marc., XIV, 10, 16.
- ³⁶ Amm. Marc., XV, 8, 21. См.: *Fontaine J.* Ammien Marcellin, historien romantique // *Bulletin de l'Association G. Budé*. Vol. 28. 1969. P. 417–435.
- ³⁷ Amm. Marc., XXX, 7.
- ³⁸ Amm. Marc., XXX, 9, 1: «...si reliqua temperasset, vixerat ut Trajanus et Marcus».
- ³⁹ Amm. Marc., XXX, 9, 1: «...oppidorum et limitum conditor tempestivus, militaris disciplinae censor eximius». XXX, 9, 1: «aestu Martii pulveris induratus».
- ⁴⁰ Amm. Marc., XXX, 9, 2: «Omni pudicitiae cultu domi castus et foris».
- ⁴¹ *Dilke O.A.* Claudian. Poet of Declining Empire and Morale. Leeds, 1969; *Schmidt P.* Politik und Dichtung in der Panegyrik Claudians. Konstanz, 1976; *Döpp S.* Zeitgeschichten in Dichtungen Claudians. Wiesbaden, 1980.
- ⁴² *Cameron A.* Op. cit. Одна из глав исследования называется: «The pagan at a christian court».
- ⁴³ Автор выдвигает несколько сомнительный, с нашей точки зрения, тезис, что языческая вера Клавдиана не была слишком сильной и глубокой, поскольку он не был готов стать мучеником за нее (*Cameron A.* Op. cit. P. 214).
- ⁴⁴ *Cameron A.* Op. cit. P. 190.
- ⁴⁵ *Duc T.* Le “De raptu Proserpinae” de Claudien: réflexions sur une actualisation de la mythologie. Bern, 1994; *Kellner T.* Die Göttergestalten in Claudians “De raptu Proserpinae”: Polarität und Koinzidenz als anthropozentrische Dialektik mythologisch formulierter Weltvergewisserung. Stuttgart, 1997.
- ⁴⁶ *Cameron A.* Op. cit. P. 193.
- ⁴⁷ Религиозные расхождения не являлись в V в. основанием для внутрисемейного размежевания, см.: *Arnheim M.T.W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman

- Empire. Oxford, 1972. P. 17. В одной и той же семье могли одновременно жить язычники и христиане. Иероним с усмешкой упоминает старого понтифика Альбина, внука которого стала монахиней (Hier., Ep., CVII, 1).
- ⁴⁸ Claud., IV cons. Hon., 214: «Si tibi Parthorum solium fortuna dedisset / Care puer terrisque procul venerandus Eois / Barbarus Arsacio consurgeret ore tiaras; / Sufficeret sublime genus, luxuque fluentem / Deside nobilitas posset te sola tueri. / Altera romanae longe rectoribus aulae / Conditio: virtute decet, non sanguine niti».
- ⁴⁹ Claud., IV cons. Hon., 214: «...Tunc omnia jure tenebis, / Cum poteris rex esse tui...».
- ⁵⁰ См.: *Delatte L.* Les traits néopythagoriciens sur la royauté. Esphante, Diotogène, Sthénidas. Paris; Liège, 1942. Этим текстам много внимания уделяется в книге Ф. Дворника, который датирует их вторым веком до н. э. (*Dvornik F.* Op. cit. Vol. 1. Washington, 1966. P. 248).
- ⁵¹ *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. 1: De l'État romain à l'État byzantin (284–476). P., 1959. P. 77.
- ⁵² SHA, Get., II, 2: «Fuit autem Antoninus Geta etiam ob hoc ita dictus quod in animo habuit Severus ut omnes deinceps principes quemadmodum Augusti ita etiam Antonini dicerentur, idque amore Marci quem patrem vel fratrem suum semper dicebat et cujus philosophiam litterarumque institutionem semper imitatus est». Ср.: SHA, Diad., I, 7, крики солдат, провозглашающих Макрина, который только что дал своему сыну Диадумену имя Антонина: «Antoninum habemus, omnia habemus».
- ⁵³ Этот процесс начинается очень рано, поскольку Август одно время думал взять имя Ромул. См.: *Michel A.* La philosophie politique à Rome d'Auguste à Marc Aurèle. P., 1969; *Hellegouarc'h J.* Le principat de Camille // *Revue des Études latines*. Vol. 48. 1971. P. 121; *Perret J.* Le serment d'Énée (Virg., Aen., XII, 189–194) et les événements politiques de janvier 27 // *Revue des Études latines*. Vol. 47. 1970. P. 286.
- ⁵⁴ Claud., IV cons. Hon., 294: «Tu civem patremque geras».
- ⁵⁵ Claud., IV cons. Hon., 294–295: «Tu consule cunctis / non tibi». О связи consul/consulere см.: Cic., Rep., II, 31. Это повторяется в Aug., De civitate Dei. V, 12.
- ⁵⁶ Claud., IV cons. Hon., 309: «Romani qui cuncta diu rexere regendi, / qui nec Tarquini fastus, nec jura tulere / Caesaris».
- ⁵⁷ Claud., IV cons. Hon., 311: «Annales veterum delicta loquentur; haerebunt maculae...».
- ⁵⁸ Claud., IV cons. Hon., 98–99: «Illi justitiam confirmavere triumphi; / praesentes docuere Deos...».
- ⁵⁹ Создавая портрет Феодосия, Августин ссылается на свидетельства Клавдиана и его цитирует, несколько видоизменяя «слишком» языческие пассажи (Aug., De civitate Dei, V, 26). См.: *Cameron A.* Op. cit. P. 191.